

*Цветок фиалки на заре весны,
Поспешный, хрупкий, сладкий, неживучий,
Благоухание одной минуты;
И только¹.*

Предисловие

Главы этого романа написаны в те времена, когда мода на бессистемную реставрацию церковных строений докатилась до самых отдаленных медвежьих углов Западной Англии, до тех краев, где дикие и печальные пейзажи морского побережья находятся в гармоничном соседстве с грубыми чертами готического стиля старинных церквей, кои рассеяны в изобилии по всему побережью и входят в немыслимый диссонанс с любыми архитектурными новшествами, что пытаются здесь возвести. Заниматься же восстановлением угрюмых развалин Средневековья, чей дух давным-давно покинул здешние места, представляется мне столь же нелепым, как попытки отремонтировать примыкающие к ним скальные массивы.

Вот почему случилось так, что сия вымышленная история любви трех человеческих сердец, чьи переживания некоторым образом перекликались с реальными жизненными обстоятельствами, в заурядных происшествиях той церковной реставрации обрели для себя подходящую сцену, на которой они предстают вашим взорам.

Морское побережье и местность, где расположен Касл-Ботерель, теперь стали широко известны, и потому многие их легко узнают. Могу добавить, что это наиболее отдаленное место на западе, самое дальнее из всех тех подходящих уголков нашей отчизны, где я рискнул воздвигнуть театральные под-

¹ Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 3. Пер. М. Лозинского.

мости для этих небезупречных маленьких трагедий провинциальной жизни и страстей; и находится оно вблизи или, по крайней мере, не слишком далеко за пределами неясных границ королевства Эссекс, с той его стороны, коя, подобно западному рубежу современных американских поселений, постепенно сдвигается в глубь страны и не поддается четкому определению.

Впрочем, как бы там ни было, все это не так уж важно. Эти края предстают (по меньшей мере в глазах одного человека) местом, что более всех прочих окутано тайнами и навеивает мечты. Пение незримых птиц, неподвижная морская гладь, легкий бриз, немолчный ропот вод, морские отбросы, прибитые к берегу, цветут темным багрянцем, их словно ветром занесло сюда с прибрежных обрывов, которые придают всему пейзажу неясную атмосферу ночного видения.

В повествовании фигурирует одна огромная прибрежная скала, имеющая узнаваемые очертания; и, по какой-то давно позабытой причине, в романе она была указана как безымянная. Точность требует от меня следующего заявления: сия замечательная скала, во многом напоминающая ту, что описана на страницах романа, носит имя, не прославленное ни одним мало-мальски значительным событием.

Т. Х.

Март 1899 г.

Действующие лица

ЭЛЬФРИДА СУОНКОРТ, юная леди
КРИСТОФЕР СУОНКОРТ, священник
СТЕФАН СМИТ, архитектор
ГЕНРИ НАЙТ, обозреватель и эссеист
ШАРЛОТТА ТРОЙТОН, богатая вдова
ГЕРТРУДА ДЖЕТУЭЙ, бедная вдова
СПЕНСЕР ХЬЮГО ЛЮКСЕЛЛИАН, пэр
ЛЕДИ ЛЮКСЕЛЛИАН, его жена
МЭРИ и КЕЙТ, две маленькие девочки
УИЛЬЯМ УОРМ, мастер на все руки, постоянно пребыва-
ющий в изумлении
ДЖОН СМИТ, главный каменщик
ДЖЕЙН СМИТ, его жена
МАРТИН КАННИСТЕР, церковный сторож
ЮНИТИ, служанка
Остальные слуги, каменщики, рабочие, грумы и прочие пер-
сонажи, etc., etc.

Место действия

По большей части — окраины Нижнего Эссекса.

Глава 1

*Царящая на западе весталка*¹.

Эльфрида Суонкорт была молодой особой, чувства которой всегда можно было легко прочесть по ее лицу. Постичь же саму природу ее чувств, кои претерпевали изменения с неспешным ходом времени, было дано лишь тем, кто своими глазами видел события, что повлияли на всю ее жизнь.

Характер ее был соединением весьма удивительных черт, уникальность которых, как бы там ни было, составляло скорее их сочетание, чем сами сии отдельные черты. По правде говоря, вам не открывались особенности и суть ее характера, когда вы вели с ней беседу; и сие чарующее умение удерживать собеседника от непосредственного изучения ее нрава заключалось не в скрадывающем действии прекрасных манер (ибо ее манеры были детскими и едва-едва сформировались), но в милой легкомысленности самих ее наблюдений. Она всю жизнь прожила в сельской тишине — *monstrari digito*² праздного люда не льстило ее самолюбию, и к девятнадцати-двадцати годам она обладала не большей опытностью в сфере общения, чем живущая в городе юная леди пятнадцати лет.

Однако одну ее отличительную черту вы замечали непременно: то были ее глаза. Любуясь ими, вы смело выносили суждения о ее натуре; не было нужды вглядываться дальше: сама ее душа представала пред вами.

Ее глаза были синими; синими, как осенняя даль — синими, как та синева, что пролегает между очертаньями далеких холмов и лесистыми косогорами, на кои мы смотрим ясным сен-

¹ Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт II, сцена 1. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник. Неточная цитата.

² *Monstrari digito* (лат.) — когда на тебя указывают пальцем.

тябрьским утром. Отуманенная и прохладная синева, что не имеет ни глади, ни начала, и взгляд этих глаз устремлен скорее ВГЛУБЬ, чем ВОВНЕ.

Что до ее манеры держаться, то она не подчиняла себе окружающих, она всегда вела себя нерешительно. Бывают женщины, способные заполнить собою всю банкетную залу, а Эльфрида обладала не большей покоряющей силою, чем обычный котенок.

Эльфриде была свойственна особая задумчивость, такая же, что сияла на лице «Мадонны в кресле»¹, но без ее экстаза: теплота и душевность черт женщины этого типа, самых узнаваемых у красавиц Рубенса — и смертных, и бессмертных, — только без избытка плоти, присущего его моделям. Характерное выражение женских лиц на картинах Корреджио² — отражение неких тоскливых мыслей человеческих, что таятся в душе слишком глубоко, чтобы излиться в слезах, — порою и это было ей свойственно, но, как правило, в необыкновенных обстоятельствах.

Можно сказать, что поворотным пунктом в жизни Эльфриды Суонкорт, после которого заструились глубинные воды нашего повествования, стал тот зимний день, когда она, очутившись в роли хозяйки дома, столкнулась лицом к лицу с молодым человеком, коего никогда не встречала прежде, более того, она смотрела на него с любопытством и интересом Миранды³, коими до сих пор не удостаивала ни единого смертного.

Именно в этот самый день ее отец, вдовый священник в омываемом морем приходе на окраинах Нижнего Эссекса, страдал от приступа подагры. Когда она отдала слугам все необходимые распоряжения по хозяйству, Эльфриду одолело беспокойство, и она не единожды выходила из комнаты, поднималась на верхний этаж и стучалась в дверь отцовской спальни.

¹ «Мадонна в кресле» (итал. «Madonna della Sedia») — картина Рафаэля Санти, написана ок. 1513–1514 гг.

² Антонио да Корреджио (итал. Antonio da Correggio, 1489–1534) — итальянский художник Высокого Возрождения.

³ Речь идет о Миранде из пьесы Шекспира «Буря», которая, проживши всю жизнь на острове, никогда не видела других людей, кроме своего отца и слуги, и отличалась любопытством и наивностью.

— Входите! — всякий раз отвечал сердечным тоном доносящийся оттуда голос.

— Папа, — сказала она, улучив минуту, обращаясь к краснолицему красивому мужчине лет сорока, внушительной комплекции, что пыхтел и шипел, как закипающий чайник, возлежа на кровати, будучи облачен в халат, и у коего время от времени вырывались невольные восклицания первого слога или слогов неких выражений, что были на грани ругательства. — Папа, ты сможешь спуститься вниз сегодня вечером?

Она говорила на повышенных тонах: он был глуховат.

— Боюсь, что нет... у-у-уф!.. очень боюсь, что я не смогу, Эльфрида. Уф-уф-уф! Я не могу вынести веса даже носового платка на этом ужасном пальце, что уж там говорить о чулке или туфле... Уф-уф-уф! Ну вот, снова начинается! Нет-нет, я встану не раньше завтрашнего утра.

— Тогда я надеюсь, что этот человек из Лондона не приедет, в противном случае просто не знаю, что я с ним буду делать, папа.

— Ну, стало быть, это будет очень неловко, можно не сомневаться.

— Я не думаю, что он приедет сегодня.

— Почему?

— Потому что ветер уж так воет!

— Ветер! Что у тебя за мысли, Эльфрида! Виданое ли дело, чтобы ветер хоть раз остановил мужчину, если тому требуется выполнить задуманное! И еще эта моя подагра разыгралась ни с того ни с сего!.. Если он приедет, ты должна проводить его ко мне наверх, затем накормить и уложить спать где-нибудь. Боже мой, сколько же со всем этим хлопот!

— Должна ли я предложить ему поужинать?

— Будет слишком тяжело на желудок для уставшего человека в конце утомительного пути.

— Тогда чай?

— Слишком мало, недостаточно.

— Значит, ранний ужин с чаепитием? Холодная дичь, пирог с зайчатинной, пироги с начинкой и прочее.

— Да, ранний ужин с чаепитием.

— Должна ли я разливать ему чай, папа?